

Диалог с Шекспиром

Ольга ЕГОШИНА

О том, что век кончился, отошел и стал историей, понимаешь, как правило, внезапно по появившимся мемуарам, где "долгий день" осознается и описывается как история. Воспоминания о XX веке сегодня, пожалуй, самое распространенное движение в литературе; в лицах, в анекдотах, в фактах и документах он обрушивается с книжных полок. Кажется, уже можно открыть магазин театральных мемуаров, потому что почти все так или иначе к веку этому причастные оставили свою "жизнь в искусстве". Наверное, не случайно, что в заканчивающемся сезоне, не сговариваясь, целый ряд наших ведущих театроведов решили собрать под одной обложкой статьи разных лет, чтобы их мозаика дала портрет уже не уходящей, а ушедшей натуры. Тут и масштабный двухтомник Анатолия Смятнского и лихая книга Татьяны Москвиной. Жанр "подведения итогов" закономерно толкает исследователя написать свой собственный портрет, — или, что еще трогательнее, семейный портрет со своими чадами и домочадцами — на фоне эпохи. (Самый блистательный пример этого рода — "Похвала плохому шоколаду" Т.Москвиной).

Алексей Бартошевич в своей

книге "Мирозданный современный" Шекспир в театре XX века" демонстративно идет вразрез сложившемуся канону жанра. На протяжении 350 страниц единственное лирическое признание в статье о Видасе Силюнасе: "Наша молодость на счастье совпала с той полосой в истории русской сцены, которая — и чем дальше она уходит в прошлое, тем это яснее — была великой театральной эпохой. Чем бы мы потом ни занимались — театром старинным или современным, западным или русским — наши театральные взгляды и вкусы определялись под воздействием искусства Таганки и "Современника", Товстоногова и Ефремова, Эфроса и Любимова". Да и в этом точном описании своей генерации лирика в одном притяжательном местоимении — "наша".

Одновременно джентльменская и академическая дистанция по отношению к своему читателю, но, прежде всего — к предмету анализа, — производит впечатление на фоне общего стремления показать, что и ты с Пушкиным на дружеской ноге. Можно отметить эту особенность как плюс хорошего воспитания автора. Но, кажется, дело в другом и более серьезном. Бартошевич настолько убежден в интересности, нужности и самодостаточности происходящего на сцене, что не имеет нужды и желания ни

заглядывать за кулисы, ни спускаться в зрительный зал, ни размахивать автографами знаменитостей. Алексей Бартошевич дает образец критики, которую пишет историк театра. О преимуществах совмещения в одном лице этих двух профессий говорилось часто и много (хотя само совмещение встречается все реже). Тут и умение поставить явление современного театра в исторический контекст, и эрудиция, необходимая для оценки новизны и необычности нового имени, или напротив, четкое понимание "откуда ноги растут" у совершенно ни на что не похожего гибрида, и так далее. Мне хотелось бы подробнее остановиться только на двух чертах критика-историка, которые редко привлекают внимание.

Первое — благожелательность. Критику, погруженному в театральный процесс, ежедневно глотавшему тонны театральной пыли, трудно сохранить в себе оптимизм. Конечно, усилием воли и журналист, и практик театра могут заставить себя поверить, что, невзирая на конкретные примеры дня сегодняшнего, театр сохраняет возможность возрождения. Историк знает, что так и будет. Поэтому в момент, когда все клеймят или возносят госпожу Пищалкину или режиссера Пупкина, Алексей Бартоше-

вич, как правило, пожимает плечами: сколько было таких Пищалкиных и Пупкиных, а театр выжил. На 350 страниц текста — ни одного фельетона, ни одной статьи "наотмашь", ни одной карикатуры. Прочтя эту книгу, понимаешь, почему ее автора так любят в театральном мире, где пустячная царапина помнится годами и десятилетиями.

Однако благожелательность критика и человека Алексея Бартошевича умеряется строгостью Бартошевича-историка. И тут мы подходим ко второй особенности исторической критики. Журналист в оценке спектаклей, имен, явлений опирается исключительно на собственный вкус, здравый смысл, представление о должном. Историк театра, занят он Шекспиром или МХАТом, эволюцией актерской техники или Мейерхольдом, имеет в своем распоряжении точку отсчета, меру вещей.

Театр двадцатого века проверяется Бартошевичем шекспировскими текстами. Автор с увлекательной полнотой следует за приключениями и метаморфозами приращений смысла в постановках английского барда в Англии, Франции, Германии, России. Воскрешает или фиксирует минуты счастливых встреч, когда в классическом тексте открывается новое и иное измерение. "Проверка" Шекспиром

оказывается весьма серьезным испытанием. Выясняется, что стоит театру стать чистым развлечением, — и в нем может появиться забавный могильщик, но нечего делать мыслителю Гамлету. Стоит театру превратиться в замкнутую секту, занятую поисками чистого духа или эзотерических знаний, — и Гамлет может стать его героем, но могильщик потеряется по дороге или утратит всю свою веселость. Увлечется ли театр пустым пространством сценическим — и пропадет вся живописность Арденнского леса или волшебного острова Просперо. Станет ли театр калейдоскопом прекрасных визуальных картинок — и все затоскует о шекспировском слове. Алексей Бартошевич не пишет выводов и рекомендаций, он проследивает логику истории, и она достаточно красноречива.

О художественном произведении (а эта книга, безусловно, — замечательное создание литературы) необходимо написать не только, что там говорится, но и как она написана. К одному из лучших стилей нашего театроведения, Алексею Бартошевичу из особой придирчивости можно отнестись только один упрек: красота его фразы завораживает, даже когда он описывает явную неудачу. Но "золотое прикосновение" пишущего вряд ли можно назвать грехом непростительным.

И последнее. Эта книга осторожна адресована студентам и людям, интересующимся историей театра. Но, кажется, настоящей ее адресат — актеры, режиссеры, художники, — практики театра. По мысли Бартошевича, самое ценное в критических трудах — не расстановка оценок и не умение "зафиксировать" тот или иной спектакль, — но умение критика заразить любимой мыслью или увлеченностью предметом. И в этом смысле, лучшим откликом на книгу "Мирозданный современный", безусловно, станут не статьи коллег, а шекспировские постановки тех читателей-практиков, которые откликнутся на брошенный ею вызов-призыв.

Меленчук Виктория

(15.04.07.03 (школа))